

УДК 130.123.4

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА: «ДУХОВНОЕ» VS «ЖИВОТНОЕ»

М.С. Мирошкин

ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет,
г. Москва

В статье в форме историко-философского диалога осуществляется сравнительный анализ взглядов западных мыслителей XX столетия и отечественного философа С.Н. Булгакова на экономическую природу человека. В философско-экономическом ракурсе исследуется соотношение духовного и животного начал в человеке, обретенное в жестко детерминированную форму базиса и надстройки. Рассматривается марксистская дихотомия базиса и надстройки как идейный источник либидинальной теории экономики в западной философской традиции XX столетия, а также концепция теургического субъекта хозяйствования в философском творчестве С.Н. Булгакова. В результате исследования выявлено, что диалектическая взаимосвязь базиса и надстройки понималась ими по-разному. Согласно западным мыслителям, надстройка выводится на периферию сознательной деятельности человека как самостоятельная функция механизма независимого желания, который обретает трансгрессивную форму инобытия Другого. В результате мир экономики обосновывается ими метафизически как изнанка мира желаний человека, несводимых к вертикали, восходящей к божественной инстанции. И напротив, согласно взглядам отечественного философа С.Н. Булгакова, в основе метафизики хозяйства лежит не механизм желания, а божественно-энергетический организм Софии, воплощенный в сознательно-созидательной деятельности зеркального образа Бога – в человеке, излучающем оживотворенные просветы художественной области трансцендентного в имманентном.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, Бог, София, желание, базис и надстройка, сверхдетерминация, духовное и животное, габитус, теургия, трансгрессия, кенозис, гистерезис, либидо, Другой.

В конце XIX – начале XX в. пространство философской мысли в мировом масштабе приобрело особую акцентуацию на исторические события, в центре которых смысл и назначение человека во взаимосвязи с природой стали концентрироваться вокруг осмысления фундаментальной антропологической области, именуемой хозяйством или экономикой. Титанические попытки Маркса описать общество через структурированный синтез формаций и обусловленных ими классов с целью выявить его первозданную суть обернулись неоднозначной приемственностью в понимании феномена самого человека среди его наиболее ярких последователей. В результате экономико-философские идеи Маркса породили значительное количество споров и противоречий, сконцентрированных вокруг поисков аутентичной сущности человека, которая, по его мысли, является эпифеноменом отношений общественного бытия, в

основании которого лежит базис, именуемый производством. Однако производительная функция человека не ограничивалась только лишь ее пониманием как плодом нервно-мышечных усилий, а оказалась таинственным небосводом, содержание и роль которого стало предметом наиболее резонансных дискуссий, породивших множество несогласованных друг с другом философских точек зрения [1].

В этой перспективе вопрос об экономике неминуемо предполагает вопрос о бытии, ставший предметом особого внимания в философском учении М. Хайдеггера. Немецкий философ сконцентрировал весь идейный массив знаний об онтологии и эксплицировал сущность бытия человека через язык в модусе его экзистенции. *Dasein*, или присутствие, согласно Хайдеггеру, определяется степенью вовлеченности человека в мир, озабоченностью временем своего пребывания в нем. Временность человеческого бытия обнажает ужасы его озабоченности перед бытием-в-мире, «чей мир первично набросан как мир желания», который открывается захваченностью человека границами его реализации. Обусловленная временностью, человеческая самость экзистенциально размыкает свое присутствие как заброшенность в бытийный мир страха, в котором главенствуют расщепляющие сознание экстазы, поработанные оковами языка [20, с. 195]. Конституируемая таким образом сущность человека испытывает ностальгию по утраченному человеком животному началу, вытесненному из дома языка. Поэтому, как утверждает Хайдеггер, «идеальное было бы, конечно», предпочтительно для человека, «как, предположительно, познание природы» [20, с. 152]. И в этом смысле человек, согласно Хайдеггеру, может быть не хозяином, а только «пастухом бытия». Несколько более фундаментальную позицию занимал русский философ С.Н. Булгаков, настаивая на определении хозяйства как возможности для человека сделать для себя домом всю вселенную, а не только имманентный ему язык.

Так, в западной философской мысли XX столетия идея экономики интериоризируется в трансгрессивной системе координат, где любой попадающий в нее принцип, правило или закон являются сладострастной преградой ни перед чем неустрашимой деструктивной воли всепоглощающего желания, амбивалентная сущность которого расщепляет сознание на потерянные части некогда единого целого. Поэтому основным методом исследования западных мыслителей становится дизъюнктивная логика различия, ставшая основополагающим оплотом в конституировании лабиринтообразной конструкции бытия. Идейно-теоретический каркас трансгрессивной интерпретации языка представил А. Бергсон, утверждавший, что «сознание, одержимое ненасытным желанием различать, заменяет реальность символом и видит ее лишь сквозь призму символов», которые преломляют целостное сознание в модифицированное множество его разрозненных частей [5, с. 105].

Таким образом, в философской мысли XX в. сложились две наиболее яркие фундаментальные модели экономического бытия человека, по-разному проявляющие свои особенности в сложном понимании сущности самого человека. Созданная философами постструктуралистской плеяды (Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Лаканом, Ж. Бодрийяром, П. Бурдьё) либидинальная парадигма экономики, в основании которой господствующим принципом благосостояния является способность кристаллизировать длительность бессознательных аффектов в знаки и символы человеческой культуры, олицетворяет ценностный приоритет производства симулякров над артефактами. В отечественной историко-философской традиции сложилась теургическая модель хозяйствующего субъекта, ярчайшим представителем и основателем которой является С.Н. Булгаков. В основе данной концепции лежит идея сакрально-личностного приобщения к божественному Абсолюту, посредством актуализации эманации творчески-энергетических потоков вселенной в связности духовного мира человека с бессознательным миром природы [6–8]. Согласно Булгакову, человек есть символ хозяйственного выражения Универсума, промежуточная ступень между миром трансцендентным и имманентным, посредством которого открываются архетипические сферы и пласты, корни которых являются жизнесозидающими одеянием и иероглифами духовного микрокосмического мира каждого человека, указующими на эсхатологический смысл его индивидуального бытия.

Французские мыслители XX в. Ж. Делез и Ф. Гваттари усматривали необходимость выстраивания фундаментальных основ экономики посредством раскодирования либидинальных потоков желания, которые закодированы самим фактом существования метафизической структуры осмысления всего мироздания и сущности самого человека в терминах идеалистической системы, начиная от Платона до Гегеля. В их понимании мироздание предстает в образе метамеханического завода, непрерывно циркулирующего и производящего «молекулярное машинирующее желание», которое при его расцвете изобилует всплеском *шизо*-революционной энергии [13, с. 627]. Вместе с тем шизофренически сфабрикованные детали этого желания не имеют первозданно заданного образца для конструирования антропологически ориентированной системы экономики. Поэтому их сборка формирует образ «шизофреника» из множества не связанных друг с другом элементов имманентной субстанции, отправная точка которой – экстатический двигатель неорганического «тела без органов», функционирующего в топологическом пространстве «желающего производства».

Таким образом, со стороны западных мыслителей идейным приоритетом для обоснования своих взглядов на экономическую природу человека становится манифестация суверенного существования, внутренне

духовный модус которого ориентирован на достижение «стихийной невозможности», посредством придания человеку не объективированного и сакрализованного статуса удачи [4, с. 281]. В свою очередь, Булгаков предлагал понимать хозяйство как способность человека заглянуть и усмотреть в животном неотделенное от божества начало, его первоначально конституруемую и до конца непознанную область – софийную первооснову мироздания, через которую «бессознательный рост восполняется, а отчасти и заменяется сознательным воспроизведением, даровое и инстинктивное становится сознательным и трудовым» [9, с. 120], а значит, и сама природа становится «периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нем осознавая себя» [4, с. 119].

По мысли Булгакова, хозяйство должно стать основным выражением человечности, но «человек остается неизмеримо далек от обладания природой», а раз он от нее далек, то нельзя утверждать, что является полноценным как человек, и уж тем более как хозяйствующий субъект, отвернувшись от своих корней [9, с. 119]. Обращаясь к философскому учению Платона о припоминании и натурфилософской концепции Шеллинга, С.Н. Булгаков замечает, что причастность человека божественной плероме зачинается с преображающей мир пограничной инстанции – Софии, которая антиномически свидетельствует о пульсирующей в человеке божественной энергии, способной обогащать и преображать весь мир, посредством ее интеграции и актуализации во всевозможных областях человеческой деятельности. В связи с этим Булгаков стремился к софиологическому истолкованию хозяйства, и для обоснования его софийной сущности он использует трансцендентальную оптику философии Шеллинга, сквозь которую преломляется и аннулируется принципиальное различие между животным и человеком. Так, слияние Я (сознания) с не-Я (природой) описывается русским философом как питательный процесс кругооборота веществ, снимающий оппозиционную грань между субъектом и объектом посредством трудового их воссоединения, из которого образуется два обуславливающих друг друга экзистенциала – потребление и производство. А они, в свою очередь, в эмпирической форме обосновывают метафизическое единство человека с миром. При этом бессилие человека, рассмотренного сквозь призму чистого разума И. Канта, согласно Булгакову, дает о себе знать всякий раз, когда он пытается выразить трансцендентальную природу сознания, минуя вопрос о его содержании, что, в свою очередь, ставит под вопрос саму возможность существования конкретного субъекта как такового [18].

В своей поздней (наиболее «философской») работе «Философия имени» (1942), Булгаков отмечает своеобразную особенность человеческого сознания в его способности объять и выразить весь мир в символе, который при этом не дает человеку выразить самого себя, свою аутентичную суть не иначе как «символическим свидетельством бытия» [10,

с. 65]. Поэтому, акцентируя весь спектр исследования на человеке, Булгаков отмечает, что «в своей эмпирической форме он есть лишь фрагмент самого себя, который притом закрывает этой своей фрагментарностью его высшую природу, хотя через него же она открывается» [9, с. 132]. Этой фрагментарностью является и обосновывается природное нутро человеческого бытия, его тварная ипостась, значение и непознанная суть которой обуславливает саму возможность хозяйства.

По замыслу Булгакова, предваряющим источником осуществления человеком хозяйства является укорененный в недрах символической структуры его сознания софийный дуализм. Софиологическая мифология в философии Булгакова получает свое воплощение в двух фундаментальных началах – тварном и божественном. София, будучи антропологическим символом хозяйства, подобна сферическому зеркалу, которое имеет выпуклую (божественную) и вогнутую (тварную) сферы, сквозь оптическую ось которых преломляются энергетические лучи жизни вселенной в фокусе человеческого Я-сознания. Но прежде чем Я-сознание станет центром преломления божественных энергий и приоткроет в себе глубину божественной неисчерпаемости, само божество, согласно Булгакову, должно стать временной (смертной) частью животного бытия природы, т. е. стать тварной.

Для обоснования своей мысли Булгаков использует идею диалектической антиномии кенозиса (самоуничужения), в качестве софиологической в том плане, что процесс снисхождения божественной энергии в теургическом акте ее приятия миром становится редуцированной детерминантой, предвосхищающей возможность ее обратного приращения в качественно новом состоянии природного явления в мире, а именно – в человеке. Таким образом, стремление человека к софийному самоопределению запускает процесс актуализации божественной энергии, воплощаемой в хозяйстве. В результате софиологический имманентизм Булгакова обосновывает триангуляцию: Бог-человек-животное, в качестве метафизически хозяйственной целостности. Человек в этой триаде является продолжением незавершенного Богом начала сотворенного мира, который вверяется в ответственность самого человека перед самим собой и окружающим его миром, поскольку божественная и тварная София становятся одной метафизической сущностью – оживотворенным инобытием Бога, т. е. самим человеком. Поэтому человек как теургический субъект хозяйства, по мысли Булгакова, представляет собою «потенциально компендиум всей природы, весь ее метафизический инвентарь, и в меру его развертывания, актуализирования он и овладевает природой» [9, с. 150].

С позиций структурного психоанализа в разных трудах периферийную и неопределенную дуалистическую сущность животного в человеке описывает Ж. Лакан. Так, по его утверждению, сознание являет себя надстройкой, сконструированной из осколков некогда разбитого зеркала

животного мира, посмотрев в которые, человек больше не узнает себя, будучи уже безвозвратно другим по отношению к большому Другому. И если бессознательное – это и есть осколки, символически укорененные в структуре языка, то сам человек, испытывая режущую боль от этих осколков, уже есть лишь не более чем гегелевский «субъект как самость» [12, с. 463] или, по выражению П. Рикера, «*Cogito*, которое полагает себя, но не владеет собой» [19, с. 340]. По идее Лакана, символический двойник, проживающий в двух мирах, опосредован негативностью выбора места, где ему остаться для спокойного существования, чтобы наконец обрести свою – то ли животную, то ли антропологическую – аутентичную суть. Выбор Лакана падает на первый вариант, и описывается он им как Другой или центробежный массив инаково смоделированных человеком образов себя и противоположного ему мира природы. В этом смысле, согласно Лакану, если «мы признаем существование другого Другого» [15, с. 195], то «проще всего представить Другого в виде живого зеркала – такого, что, когда я гляжу на него, это он во мне глядит на меня и видит себя на моем месте, на месте, которое я в нем занимаю. Если это не что иное, как его собственный взгляд, то истина этого взгляда обоснована в нем самом» [16, с. 195]. Соответственно, если истина человека заключена в потустороннем для него образе самого себя, то эта истина может стать злоключением его же собственной добродетели.

То, что имплицитно в качестве надстройки описывалось у Лакана, то эксплицитно в качестве базиса описывается у Л. Альтюссера. Неутихающие дискуссии среди именитых философов XX в. о значении марксистской дихотомии базиса и надстройки ознаменовались откликом у основоположника и представителя структурного марксизма Л. Альтюссера и «легального марксиста» С.Н. Булгакова, впоследствии ставшего единственным русским философом, провозгласившим хозяйство в качестве основополагающего источника и символа божественной благодати. Согласно Альтюссеру, любая идеология (надстройка) является экспликацией бессознательного измерения, образующая новый массив надстроек, элементы которых «хотя и обладают своими способами действия, но эта их действенность словно распыляется до бесконечности, теряясь в бесконечности эффектов, случайностей, внутренние связи которых, даже если эти предельные значения и достижимы в исчислении бесконечно малых, можно тем не менее рассматривать как непостижимые (как чрезвычайно трудноопределимые) и потому как несуществующие» [2, с. 171–172]. Идеологически организованная структура, состоящая из бессознательно конституированных и отрицательно заряженных элементов неравенства человека по отношению к самому себе и другим, возводится Альтюссером в статус сверхдетерминации, как обратный эффект воздействия надстроек на базис, в результате которого порождающая трансгрессивные детерминанты редукция бессознательного к экономическому становится доминантной суперструктурой.

Если фундаментальные философские идеи Маркса характеризовались переворачиванием Гегеля «с головы на ноги», то философские идеи

конца XX в. характеризуются сворачиванием бессознательного в экономическое, образуя катализатор противоречий, именуемый сверхдетерминацией. Порожденная дрейфом либидинальных интенсивностей экономика позволяет человеку, по мысли Ж. Батая, «совершить прыжок в невозможное», в поле для развертывания трансгрессивных идеалов, реализация которых способна ввести человечество в состояние такого кризиса, где законом оказывается его же собственное желание, но это состояние уже непреодолимо далекое и Другое от животного и человеческого [4, с. 182]. И господином в такой экономике оказывается уже не абсолютный дух Гегеля, не государство, не человек и животное и даже не Бог, а – Другой, капитализирующий негативы фантазм – «это чистое Для-Себя-Бытие», как скажет неогегельянец А. Кожев [14, с. 59].

Мир, не знающий сознания, и сознание, познающее его, столкнулись с бескомпромиссной ситуацией, когда последнее в бесконечных и избыточных попытках самоопределиться нарушает естественную с ним взаимосвязь и идет наперекор всем существующим в мире правилам. В попытках отделиться от мира, чтобы самоопределиться, человек утратил способность реинтеграции своей созидательной функции в мире и стал бывать, а не пребывать в нем, что в конечном итоге сказалось на реципрокности всей хозяйственной системы человеческого бытия. Сознание, вверившее себя в собою же созданную идеологию экономических символов, воспрепятствовало антропологическому единству целостного воплощения идеи, которая, по утверждению великого русского философа С.Н. Булгакова, знаменуется хозяйством, а не либидинально нагруженной экономикой.

Экономика в соответствии с континентальной философской мыслью провозглашается либидинальной (Ж-Ф. Лиотар), ее реинтеграция в реальное экономическое пространство воплощает универсум символических практик – измерение, в котором непрерывно действует «социально заданное либидо» или габитус [11, с. 258]. Согласно концепции П. Бурдьё, борьба экономических классов сменяется борьбой символических капиталов, обмен между которыми автономно функционирует как габитус, обеспечивающий синхронизацию этих капиталов в диахронически детерминированный процесс их спонтанного воспроизводства. Таким образом, габитус является механизмом, который посредством эффекта гистерезиса порождает структурные классификации универсальных предрасположенностей. И в этом смысле, согласно Бурдьё, габитус есть неизбывная данность – это мир экономики, который предстает лейбницианско-бергсониянской моделью, репрессивные иерархически социальные структуры которой формируют «атом, но без автономии и – это важно – без инерции»: у этой данности «нет никакой внутренней силы, она сводится к чистой моментальности» [11, с. 195–196]. Неслучайно Бурдьё для объяснения своей концепции использует метафору закованной в «великую цепь бытия» Лернейской гидры, у которой, если отрубить одну из

голов, отрастает множество новых. Кольца этой цепи являются дедуктивным аналогом множества экономических полей, в которых функционируют чистые либидинальные интенсивности и в которых нет места картезианскому фантазму божественной инстанции Логоса или, по выражению Ж.-Ф. Лиотара, «великого Нуля». Поэтому, согласно Ж.-Ф. Лиотару, будучи «фигурой, фрагментом могущественного механизма, кровожадного как Бог иудеев, и бледного, как Пустота Лао-цзы» [17, с. 17], этот «великий Ноль» отождествляется с неуравновешенной и бессознательной инфраструктурой желания, источником которой является обуреваемая аффектами и нехваткой сила негативности (Гегель), порождающая творческий эквивалент тела, не имеющего органов (Ж. Делез, Ф. Гваттари). В то время как, согласно мысли С.Н. Булгакова, человеком движет не желание, а трансцендентальный хозяйствующий демиург – «абсолютный организм вселенной», в котором все желания софиологически преломляются в символе человечности – в Боге [9, с. 97].

Подытоживая, следует отметить, что движущим принципом антропогенеза и конституирующим двигателем экономики, согласно западным философам XX столетия, является желание, единственный способ рационализации которого предлагается осуществлять посредством реабилитации через язык (Ж. Лакан). Философско-антропологическая суть экономики трактовалась ими по-разному, но во всех случаях она сводилась к одному и тому же, а именно к апории желания, которое, будучи извечно трансгрессивной формой инобытия Другого, не узнает себя в зеркале мира, в котором не может себя найти и самоопределиться, а значит, и не может в нем окончательно реализоваться. Иными словами, кризис желания – это и есть экономический кризис [3]. Согласно мысли С.Н. Булгакова, человек, будучи оживотворенным энергийно-динамическим зеркалом божественного Универсума, способен гармонично соединять в себе как духовное, так и животное начало, выстраивая на их базе творчески-организованную и антропологически ориентированную систему экономики или хозяйства. Софийный божественно-энергетический потенциал человека укоренен в символической функции языка и воплощается как в тварной, так и в духовной форме, образуя гармоническую взаимосвязь человека с самим собой, миром, природой и с Богом.

Список литературы

1. Абросимова Т.Я., Бондарева Я.В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1, № 4(4). С. 16–26.
2. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Практика, 2006. 392 с.
3. Бакурадзе А.Б., Бондарева Я.В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.

4. Батай Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика / сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2016. 566 с.
5. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. 325 с.
6. Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. 2017. № 1. С. 75–82.
7. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2011. № 3. С. 16–21.
8. Бондарева Я.В., Фурсова В.Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2015. № 2. С. 63–69.
9. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / вступ. ст. А. Филиппова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 352 с.
10. Булгаков С.Н., прот. Философия имени. М.: КаИр, 1997. 330 с.
11. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: «Мысль», 1975. Т. 2. Философия природы. 695 с.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
14. Кожев А. Введение в чтение Гегеля: лекции по феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2013. 791 с.
15. Лакан Ж. Семинары: книга 8. Перенос (1960/61) / Пер. А. Черноглазова. М.: «Гнозис»; «Логос». 2019. 432 с.
16. Лакан Ж. Семинары: книга 3. Психозы (1955/56) / Пер. А. Черноглазова. М.: «Гнозис», 2014. 432 с.
17. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика / пер. с фр. В.Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С.Л. Фокин. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
18. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22-26.
19. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. - М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
20. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2011. С. 460.

**PHILOSOPHY OF ECONOMY:
THE «SPIRITUAL» VS THE «ANIMAL»**

M.S. Miroshkin

Moscow Region State University, Moscow

In the form of a historical and philosophical dialogue, this article is aimed at the comparative analysis of views on the economic nature of man offered by the 20th century Western thinkers and Russian philosopher S.N. Bulgakov. From a philosophical and economic point of view, the relationship of the spiritual and animal constituents in the human being framed rigidly in the form of the basis and the superstructure is studied. The Marxist dichotomy of the basis and the superstructure, which gave rise to the paradigm of the libidinal theory of economics in the Western philosophical tradition of the 20th century, and the concept of the theurgical business entity in the philosophical work of S.N. Bulgakov are considered in the comparative way. As a result of this study, it was revealed that the dialectical relationship of the basis and the superstructure was understood by them differently. According to Western thinkers, the superstructure is brought to the periphery of a person's conscious activity as an independent function of the mechanism of independent desire, which takes on a transgressive form of the Other's external being. As a result, the world of economics is justified by them metaphysically as the wrong side of the world of a person's desire, irreducible to a vertical that goes back to the instance of a divine essence. In the opposite perspective, according to S.N. Bulgakov's the views, the metaphysics of the economy is not based on the desire mechanism, but on the divine-energetic organism of Sophia embodied in the conscious creative activity of a human being as a mirror image of God who is able to radiate by the artistic effort the light of the transcendent within the earthly immanent.

Keywords: *economy, economy, God, Sofia, desire, basis and superstructure, overdetermination, spiritual and animal, habitus, theurgy, transgression, kenosis, hysteresis, libido, Other.*

Об авторе:

МИРОШКИН Михаил Сергеевич – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии ФГЮОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: mirmaker23@mail.ru

Author information:

MIROSHKIN Michael Sergeevich – PhD, Assistant Professor of the Philosophy Department, Moscow Region State University, Moscow. E-mail: mirmaker23@mail.ru